

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. И. ЕФИМОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XIX — НАЧАЛА XX вв.

Вопросы развития литературного языка, как и вообще национальной речевой культуры, вызывают огромный интерес у всей нашей общественности и в первую очередь — у языковедов, литературоведов и самих «мастеров слова».

В свете работ И. В. Сталина по языкознанию ставятся и обсуждаются сложные и нерешенные вопросы, связанные с пониманием самой специфики литературного языка, его отношения к языку общенародному, роли «мастеров слова» в творческой обработке богатств общенародного языка, вопросы о диалектных и просторечных речевых средствах, о социальных жаргонах, о народности языка художественного произведения, не говоря уже о многих более специальных проблемах стилистики (о составе стилей литературного языка, о слоге писателя, о художественно-эстетических качествах языка литературного произведения и т. п.).

В данной статье мы касаемся некоторых спорных вопросов в развитии литературного языка, раскрывая и комментируя их преимущественно на материале из истории русского литературного языка XIX — XX в.

Одним из сложных вопросов, стоящих перед историками литературного языка, является определение самой специфики последнего и его отношения к языку общенародному. Литературный язык — это в своей основе язык общенародный, обработанный и творчески обогащенный «мастерами слова». Поэтому его нельзя противопоставлять языку общенародному, а необходимо рассматривать как высшее достижение речевой культуры народа. Литературный язык — это высшая форма, цвет языка общенародного, результат речетворчества всего народа во главе с его выдающимися «мастерами слова». Средства и нормы литературного выражения не только создаются всеми носителями языка, но — что очень важно — бережно и заботливо охраняются обществом как большая культурная ценность.

Народ — творец и носитель языка. Это положение открывает ясные перспективы изучения как самой специфики литературного языка, так и закономерностей его исторического развития в неразрывной связи с историей общества, с историей народа.

История русского литературного языка со всей очевидностью убеждает, что язык — и в первую очередь его словарный состав — весьма чутко реагирует на различные изменения в истории народа и прежде всего в общественной жизни, что история появления и употребления многих слов и выражений тесно связана с развитием общественной мысли. Так,

например, в 40—60-х годах XIX в. входят во всеобщее употребление такие слова, как *социализм, коммунизм, конституция, реакция, прогресс* и т. д. Ср. также замечания проф. П. Я. Черных о появлении на разных этапах истории русского народа таких слов, как *крестьянин, дворянин* (с XV в.), *рабочие люди, мастеровые* (с XVII в.), *рабочие* (с XIX в.) и др.¹

Разные общественно-исторические факторы оказывали большое влияние на развитие языка. Значительную роль играло развитие производства, появление классов, письменности, зарождение государства, развитие торговли, развитие литературы. Каждый из этих факторов не только нашел свое отражение в русском литературном языке, но и оказал известное влияние на развитие средств литературного выражения.

К важнейшим задачам, связанным с изучением истории литературного языка в связи с историей общества, относятся: во-первых, определение того, как история народа находит свое отражение в формировании средств литературного выражения, как развитие общественной жизни влияет на развитие стилей литературного языка, в силу чего в нем появляются новые слова и выражения, а также изменяется смысловое значение многих слов, постепенно выходят из употребления устаревшие слова и т. д.; во-вторых, изучение того влияния, которое язык, будучи средством общения, орудием борьбы и развития общества, оказывает на развитие культуры, науки, литературы и искусства; в-третьих, выяснение тех определяемых внутренними законами языка специфических явлений в развитии и совершенствовании морфологической и синтаксической структуры, в которых общественная жизнь находит не прямое, а преломленное, опосредствованное отражение.

*

Одной из важнейших задач истории литературного языка является определение значения и роли «мастеров слова» в творческой обработке общенародного языка. Было бы совершенно неправильно полагать, что под «мастерами слова» следует разуметь исключительно только поэтов и писателей. Такая точка зрения не только предельно суживает круг тех лиц, которые играют роль в развитии средств литературного выражения, но и неправильно, односторонне представляет самый процесс развития литературного языка.

Литературный язык с его двумя основными разновидностями — письменно-книжной и устно-разговорной — представляет собой сложную систему стилей (художественно-беллетристических, общественно-публицистических, научных, производственно-технических, документально-деловых и т. п.), исторически развивающихся и находящихся в постоянном взаимодействии. Писателям принадлежит выдающаяся роль в развитии стилей поэзии и прозы. Но не одни только писатели являются творцами литературного языка. Нельзя, например, умалять роль видных ученых, принимавших деятельное участие в формировании стилей научного изложения. Это относится, например, к Ломоносову, создавшему многие научные термины, широко известные в литературном языке. То же самое можно сказать о роли Белинского в формировании стилей литературно-критических работ. Не менее велика роль передовых общественных деятелей и публицистов, например Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, которые оказали огромное влияние на развитие

¹ См. П. Я. Черных, О связи развития языка с историей народа в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М.—Л., 1951, вып. 3, стр. 244.

общественно-публицистических стилей русского литературного языка второй половины XIX в.

В соответствии с этим нельзя, например, сказать, будто все заслуги в создании современного белорусского литературного языка принадлежат лишь писателям Янке Купале и Якубу Коласу. Нет сомнения, что вся белорусская общественность во главе с лучшими писателями, общественными деятелями, учеными, журналистами, учителями, а также специалистами-языковедами принимала и принимает самое деятельное участие в формировании и совершенствовании средств и норм белорусского литературного языка.

Обратимся теперь к вопросу, решение которого может пролить свет на соотношение литературного языка и общенародного, а также будет способствовать правильному пониманию роли «мастеров слова» в развитии национальной речевой культуры, — к вопросу о существовании самого процесса, который называется творческой обработкой народного языка. Эта литературно-творческая обработка общенародного языка осуществляется обычно в двух направлениях: 1) отбор из огромного запаса общенародного языка наиболее ярких, жизненных и типичных речевых средств; 2) творческое обогащение и развитие этих речевых средств, осуществляемое лучшими «мастерами слова».

Отобранные в литературный язык речевые средства рассматриваются затем как образцовые, общепринятые в литературном обиходе, как «правильные» и закрепленные традицией. Поэтому выбор средств литературного выражения имеет огромное значение для дальнейшего развития речевой культуры народа, являющейся составной частью всей его культуры. Горький был очень строг и требователен в этом отношении. Упрекая некоторых писателей в неразборчивости, в попытках привлечь в литературный язык всякий «хлам», он справедливо призывал следовать практике лучших русских писателей-классиков. Он писал: «...начиная с Пушкина, наши классики отобрали из речевого хаоса наиболее точные, яркие, веские слова и создали тот „великий прекрасный язык“, служить дальнейшему развитию которого Тургенев умолял Льва Толстого»².

Какие речевые средства отбираются в литературный язык и какие остаются за его пределами? Исторический процесс формирования русского литературного языка свидетельствует о непрекращающемся пополнении средств литературного выражения за счет наиболее жизненных и всему народу широко известных слов, выражений, оборотов и конструкций, наиболее типичных и характерных для непрерывно развивающегося общенародного языка. Вбирая и осваивая общеупотребительные речевые средства, литературный язык в то же время оказывал заметное влияние на развитие лексики, фразеологии и грамматического строя общенародного языка.

Лексика и фразеология литературного языка, пополняясь не только за счет национальных речевых запасов, но и путем заимствования, а также благодаря появлению в разных стилях литературного языка множества неологизмов, в свою очередь распространяется во всем общенародном языке и становится общеупотребительной. Литературный язык не только постоянно пополняется словами общенародного языка, но в свою очередь представляет в общенародный язык новые и жизненно необходимые слова. Например, слова *коммунизм, социализм, революция, агитация, пропаганда* получили широкую известность через посредство общественно-публицистических стилей литературного языка, характерных для революционно-демократической литературы XIX в. Прежде чем войти в основной словарный фонд общенародного русского языка, они вначале

² М. Горький, сб. «О литературе», М., «Советский писатель», 1937, стр. 146.

употреблялись в стилях революционно-демократической публицистики, распространяясь затем в стили научно-философские, официально-документальные, художественно-беллетристические и т. д.

В состав средств литературного выражения отбирается далеко не всё, чем располагают словарный состав и грамматический строй языка. Обычно за пределами литературного языка остаются:

а) диалектные слова и выражения, а также элементы словообразования и синтаксические конструкции, характерные для какого-либо говора или группы их;

б) просторечные слова, употребляемые в различных социально-речевых стилях общенародной разговорно-бытовой речи, но не имеющие прав литературности (*огорошить*, *подкузывать*, *объегорить*, *налимониться* и т. д.), а также просторечные значения многих общеупотребительных слов: *вкатить*, *захватить*, *залепить* (в смысле ударить), *стянуть* (украсть), *надуть* (обмануть), *смазать* (промахнуться) и т. п.;

в) жаргонная лексика, фразеология и элементы словоупотребления, характерные для существовавших в прошлом жаргонов;

г) арготические слова и выражения, свойственные, например, воровскому аргю, а также аргю картежников, людей социального дна и т. д.;

д) специфические профессиональные термины, хотя и имеющие права литературности, но не входящие во многие стили литературного языка из-за ограниченности сферы их применения и непонятности для неспециалистов.

Кроме отбора различных речевых средств общенародного языка, происходит также их обработка, осуществляемая «мастерами слова». Обратимся к тому, что конкретно следует понимать под этой творческой обработкой. Развитие русского литературного языка в XIX в. свидетельствует, что эта обработка выражается в следующем.

1. Происходит дальнейшее развитие значений общеупотребительных слов, осуществляемое в соответствии с внутренними законами развития языка. Например, благодаря словоупотреблению Горького (*бывшие люди*), у слова *бывшие* появился новый смысловой оттенок, вследствие чего это слово стало употребляться для социально-идеологической характеристики известного круга людей.

2. Осуществляется фразеологическое новаторство, обогащающее язык меткими образными изречениями, новыми удачными словосочетаниями. «Язык неистощим в соединении слов», — утверждал Пушкин, имея в виду те огромные и неистощимые возможности, которые представляет родной язык для творческой деятельности. В подтверждение укажем на получившие широкую известность выражения — Гончарова (*жалкие слова*), Тургенева (*дворянское гнездо*), а также сатирические формулы Салтыкова-Щедрина (*телячьи восторги*, *административное остроумие* и т. п.).

3. Развиваются и обогащаются средства словесно-художественной изобразительности — сравнения, метафоры, эпитеты, перифразы и т. п.

4. Создаются новые слова, причем некоторые плоды словотворчества писателей, ученых и публицистов становятся достоянием общеупотребительной лексики.

5. В процессе обработки общенародного языка происходит непрерывное улучшение и совершенствование его грамматического строя. Роль «мастеров слова» в этом улучшении грамматического строя вполне очевидна.

Белинский, придававший большое значение слогу художественных произведений, неоднократно отмечал заслуги писателей в смысле развития и совершенствования грамматического строя языка. Например, по его мнению, «Карамзин имел огромное влияние на русскую литературу.

Он преобразовал русский язык, совлекши его с ходуль латинской конструкции и тяжелой славянщины и приблизив к живой, естественной, разговорной русской речи»³.

Существование в литературном языке двух основных разновидностей — письменно-книжной и устно-разговорной, развивающихся в тесном единстве, дает интереснейший материал для познания разных сторон одного и того же явления. Разговорная литературная речь в отношении лексико-фразеологического состава в основных своих чертах совпадает с книжной, чего нельзя сказать об ее структурно-синтаксическом своеобразии. Стремление освободиться от специфически книжных, порою тяжеловесных и громоздких конструкций и оборотов — вот одна из основных закономерностей, которые характерны для исторического развития ряда стилей русского литературного языка и, в первую очередь, стилей художественной литературы. Решительно порывая с устаревшими традиционно-книжными, условно-риторическими приемами повествования, многие русские писатели XIX в. практиковали различные приемы стилизации, воспроизводя в художественной литературе средства и приемы выражения, характерные для разговорной речи. Например, «Капитанская дочка» написана от имени Гринёва, «История села Горюхина» — Белкина; в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» стилизуется рассказчик — Рудый Панько; в «Герое нашего времени» даны рассказы Максима Максимыча или же воспроизведен журнал Печорина; множество рассказов В. Даля, Тургенева и других писателей написаны не от автора, а рассказываются каким-либо персонажем. Такой прием позволяет стилизовать живую и многообразную разговорную речь.

*

Специфика литературного языка состоит в том, что это язык нормированный — как в отношении словарного состава, так и в отношении грамматики. В отличие от диалектов, просторечных речевых средств литературный язык немыслим без исторически развивающейся литературной нормы. Понятие литературной нормы находится в непосредственной зависимости от внутренних законов развития каждого языка, благодаря действию которых в языке происходит постепенное и длительное накопление элементов нового качества и постепенное отмирание элементов старого качества. В языке, таким образом, постоянно зарождается и появляется новое и отмирает старое, не удовлетворяющее уже функции языка как средства общения, орудия борьбы и развития общества.

Литературная норма определяет самый круг тех речевых средств, которые в данное время (или эпоху) являются жизненными, активными и общепринятыми. Она призвана устанавливать и узаконивать употребление типичного для литературного языка и его стилей круга слов, их значений (лексико-семантические нормы), морфологической структуры и синтаксических конструкций (грамматические нормы), а также самые приемы употребления речевых средств, методы создания средств художественной изобразительности (стилистические нормы), не говоря уже о единообразном произношении, принятом для каждого литературного языка в определенный период его развития (орфоэпические нормы).

Литературная норма изменяется в соответствии с общими закономерностями развития языка. Она, безусловно, не может быть антиисторичной, не может идти против течения и предписывать языку то, что не соответствует его состоянию и тенденциям развития. Нормализаторы

³ В. Г. Белинский, Соч., СПб., 1896, т. III, стр. 299.

языка не должны отставать от века и удерживать в языке отжившее, исчезающее. Творцом и носителем языка является народ. Поэтому литературная норма должна быть в идеале общенародной, современной и отражать поступательное развитие языка.

Высоко оценивая «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля, В. И. Ленин, однако, отметил, что этот словарь «областнический» и устарел, что следует создать новый словарь современного русского языка. Это указание имеет очень важное значение для понимания литературной нормы: она не включает в современную общеупотребительную лексику «областнические», т. е. местные, диалектные слова; она исключает из лексикона всё устаревшее, не отражающее современного состояния русского языка.

Так как под понятием литературного языка объединяются две его разновидности — книжная и разговорная, то вопросы нормы и культуры речи относятся к той и другой, но прежде всего к языку книжно-литературному, который служит задаче наиболее широкого культурного общения; именно на его основании создается национальная языковая норма. Однако несомненно, что нормализации подвергаются не только письменные формы книжно-литературного языка, но и его устные формы (лекции, доклады, речи, выступления по радио и т. п.)⁴.

*

Речевым средствам, входящим в систему литературного языка, обычно противопоставляется просторечие. В отличие от литературного языка с его общепризнанной нормой, просторечие обычно квалифицируется как отступление от этой нормы, как нелитературная речь. К просторечию относятся те многочисленные и весьма разнообразные по своему происхождению речевые средства, которые будучи употребительны в различных социально-речевых стилях общенародной разговорно-бытовой речи, остаются за пределами литературного языка и рассматриваются как фамильно-упрощенные, иногда грубоватые, не характерные для книжной речи и образцового языка. От диалектизмов просторечные слова отличаются тем, что они бытуют не в каком-либо одном говоре, а известны всему народу. Таковы, например, слова *якшаться* (слово, употребляемое Пушкиным), *труснуть* (Гоголем), *гурьба* (Щедриным) и другие, отнесенные академическим словарем 1847 г. к просторечным.

Многие слова, которые словарем Академии российской еще квалифицировались как просторечные, с течением времени вошли в литературный язык. Примером могут служить слова *ковылять*, *молодиться*, *свадьба*, *молодежь* и др., которые в словарях XIX в. и современных уже не имеют стилистических помет, указывающих на их просторечный характер. Из этого можно сделать вывод, что просторечие — резерв, за счет которого пополняется лексика литературного языка.

Видную роль в системе средств литературного выражения играют также те просторечные значения, которые возникают у общеупотребительных слов вследствие их метафорического употребления (*накатать* в смысле написать, *так и режет* — бойко говорит и т. п.). Эти просторечные значения охотно привлекались в художественную литературу, потому что они образны, эмоциональны и экспрессивны. Например, Гоголь неоднократно прибегал к просторечным образно-метафорическим значениям слов, используя их в целях создания комического: «А там уже в стороне четыре пары *откалывали* мазурку»; «...Чичиков понял заковыку, которую

⁴ См. Е. С. Истрина, Нормы русского литературного языка и культура речи, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 13.

завернул Иван Антонович»; «...и протопопшу *надул* более чем на сто рублей»; «Скрипки и трубы *нарезывали* где-то за горами» («Мертвые души»; курсив наш. — А. Е.).

Следует при этом заметить, что привлечение подобных значений, наблюдающееся в стилях художественно-беллетристических, не типично для некоторых других стилей литературного языка (документально-деловых, производственно-технических и др.). Следовательно, то, что типично и закономерно для формирования одного стиля, может быть не характерно для другого. С другой стороны, далеко не все элементы просторечия входили и входят в систему речевых средств, считающихся литературной нормой. Это относится не только к грубо фамильярным словам (*налиматься, рыло, морда, рожа* и др.), но и к некоторым элементам и способам словопроизводства.

Приобщиться к средствам литературного выражения этим просторечным элементам мешает их своеобразный «стилистический паспорт», свидетельствующий о принадлежности их к различным социально-речевым стилям разговорно-бытовой речи народа. Чтобы раскрыть понятие литературности и существо литературной нормы, необходимо кратко охарактеризовать эти социально-речевые стили и их место в системе общенародного языка.

Социально-речевые стили — это отличающиеся особенностями словоупотребления многочисленные разновидности общенародной разговорно-бытовой речи. Характер этих разновидностей зависит от неоднородности самих носителей языка: представители различных социальных прослоек вносят в разговорную речь некоторые специфические черты, отражающие круг их интересов, вкусы и излюбленные приемы выражения. Указывая, что язык общенароден и неклассов, И. В. Сталин пишет: «Но люди, отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку. Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения. Особенно отличаются в этом отношении верхушечные слои имущих классов, оторвавшиеся от народа и ненавидящие его: дворянская аристократия, верхние слои буржуазии. Создаются „классовые“ диалекты, жаргоны, салонные „языки“»⁵.

Итак, жаргоны создаются верхушечными слоями имущих классов, которые оторвались от народа, стараясь противопоставить себя ему и в отношении речевой культуры. Помимо этих верхушечных слоев имущих классов, в обществе сосуществуют различные социальные группы и прослойки, которые тоже несколько отличаются в смысле использования языка, выделяются в отношении специфики словоупотребления. Существованием этих социальных групп и прослоек определяется наличие в языке социально-речевых стилей, являющихся достоянием преимущественно общенародной разговорно-бытовой речи; так, например, речь свах в произведениях А. Островского — это конкретный, частный случай использования весьма немногих слов и выражений русского языка, представляющего собой, по выражению Ломоносова, «едва ли пределы имеющее море».

В отличие от жаргонов, располагающих специфическими и часто непонятными народу словами и выражениями, социально-речевые стили разговорно-бытовой речи по составу и характеру привлекаемого словарного и грамматического материала понятны и доступны всем. Но при всем этом особая печать лежит, например, на словоупотреблении чеховского

⁵ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 13.

унтера Пришибеева, пушкинского Савельича, гоголевского Манилова, старообрядцев, изображенных Мельниковым-Печерским, чиновников и помпадуров у Щедрина и т. д. Заслугой русских писателей и показателем реалистичности их творчества обычно считалось точное воспроизведение речи персонажей, принадлежавших к различным социальным прослойкам, умение воспроизвести то типичное, что характерно для каждого социально-речевого стиля.

Итак, социально-речевые стили — это разновидности общенародной разговорно-бытовой речи, отличающиеся специфическими приемами подбора слов, их расположения и употребления некоторых из них в особых значениях, использовании излюбленных оборотов и выражений, своеобразием орфоэпии и т. п. Изучение социально-речевых стилей русской разговорно-бытовой речи и анализ характерных для них речевых средств позволит всесторонне разобраться в сложных и интересных процессах взаимодействия устно-разговорной разновидности литературного языка с многообразными ответвлениями общенародной разговорно-бытовой речи.

Так, весьма интересным является вопрос о самом соотношении между социально-речевыми стилями общенародной разговорной речи и устной разновидностью литературного языка. Входят ли социально-речевые стили в систему устно-разговорной литературной речи? Решение этого вопроса возможно лишь при учете того, насколько речевые средства, типичные для этих стилей, соответствуют литературной норме, обязательной не только для письменно-книжной, но и для устно-разговорной разновидности литературного языка.

Если, например, социально-речевые стили, характерные для разговорной речи культурных людей (например, медиков, артистов, научных работников, учителей и т. п.), по составу речевых средств и нормам их употребления не отходят от литературной нормы (за небольшим исключением узко профессиональных слов и оборотов речи, например, в речи учителей: *окно* в расписании, ликвидировать *хвосты*), то они, разумеется, входят в систему устной литературной речи. Что же касается речевых средств, бытовавших некогда, например, в социально-речевых стилях, типичных для купечества, приказчиков, свах и т. п. [ср. выражения свахи из «Доходного места» Островского: *брюле* (брюнет); *и орген на шее, а умен как, просто тебе истукан золотой*], то они являлись отклонениями от литературной нормы и поэтому не входили в систему разговорной литературной речи. Без решения проблемы социально-речевых стилей и изучения их специфики нельзя приступать к анализу речи персонажей и правильно определять степень ее типичности.

Являются ли в наше время диалектизмы резервом, из которого пополняется лексика современного русского литературного языка? Есть много оснований утверждать, что диалектные речевые средства уже не пополняют лексический состав современного русского литературного языка, не входят в его многочисленные стили. Привлекаемые же в художественное произведение, они выполняют определенные стилистические функции, т. е. служат материалом стилизации и создания речи персонажей (как это можно заметить у Шолохова и других советских писателей). Но на разных этапах развития языка роль диалектных речевых средств в системе литературного языка менялась, и в известные эпохи формирования и развития литературного языка местные диалекты, как ответвления общенародного языка, являлись важнейшим источником, из которого литературный язык непрерывно пополнялся.

По мере своего развития литературный язык перестает опираться на какой-либо один диалект и начинает базироваться на всем общенарод-

ном языке в целом. Поэтому к числу важнейших задач, стоящих перед историей русского литературного языка, относится определение того, на каких этапах его развития диалектизмы являлись резервом и источником, из которого пополнялась литературная лексика. Каждый национальный литературный язык имеет свою историю, свои закономерности развития. В силу этого решать проблему диалектизмов, пополнявших состав средств литературного выражения, можно лишь применительно к отдельно взятому языку.

Литературный язык характеризуется устойчивостью основных и важнейших элементов его лексики, фразеологии, морфологии, синтаксиса, средств художественной изобразительности. Трудно поэтому предположить, что когда-либо общеизвестные литературные слова *петух, варезики, брюква* будут заменены или потеснены диалектными синонимами (*кочет, шубенки, калега*). Что же касается появления в языке новых слов, необходимых для обозначения новых понятий и предметов, то, как убеждает развитие лексики русского языка в советскую эпоху, они привлекаются не из местных диалектов, а создаются при помощи разнообразных форм словопроизводства, а также путем переосмысления общеизвестных слов и путем заимствования. Поскольку литературный язык отличается устойчивостью речевых средств, понятностью и доступностью их всему народу, а сфера употребления и понимания диалектизмов ограничена обычно какой-либо небольшой территорией, постольку привлечение диалектизмов в высокоразвитый литературный язык, каким является сейчас русский литературный язык, не представляется целесообразным и оправданным.

*

Перейдем к вопросу о стилях русского литературного языка, обратив при этом внимание на то общее, что их объединяет в единую систему литературного языка, и то специфическое, что отличает каждый стиль. Литературный язык представляет собой систему стилей, соотношение и характер взаимодействия которых изменяются в разные эпохи в зависимости от развития языка в связи с развитием общества. «Стиль языка, — указывает акад. В. В. Виноградов, — это семантически замкнутая, экспрессивно ограниченная и целесообразно организованная система средств выражения соответствующая тому или иному жанру литературы или письменности, той или иной сфере общественной деятельности (например, стиль официально-деловой, стиль канцелярский, телеграфный и т. п.), той или иной социальной ситуации (например, стиль торжественный, стиль подчеркнуто вежливый и т. п.), тому или иному характеру языковых отношений между разными членами или слоями общества. Система стилей литературного языка очень изменчива. Не все стили равноценны. Они различаются не только по своему идеологическому весу, экспрессивным качествам, сферам употребления, но и по своему семантическому объему. Структура, количество, качество и иерархическое соотношение стилей литературного языка изменяются от эпохи к эпохе»⁶.

Развитие стилей литературного языка нельзя рассматривать в отрыве от развития жанров литературы, понимаемой в широком смысле (т. е. включая литературу научную, публицистическую, производственно-техническую и т. д.). Как самый состав речевых средств, так и нормы их употребления находятся в тесной связи с содержанием высказывания. Следо-

⁶ В. В. Виноградов, О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII—XIX вв., «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1946, вып. 3, стр. 225.

вательно, жанровый принцип лежит в основе выделения и классификации самих стилей литературного языка. Так, в соответствии с реальным существованием публицистики как определенного жанра литературы выделяется публицистический стиль. То же самое следует сказать о стилях художественно-беллетристических, документально-деловых и т. п.

Другой принцип, в соответствии с которым выделяются стили торжественный, фамильярный, нейтральный и т. п., исходит из учета уже эмоционально-экспрессивных качеств, своеобразие которых объясняется социальной ситуацией, содержанием и целенаправленностью речи, ее эмоциональной заряженностью. В зависимости от жанра письменности и соответственного подбора речевых средств, стили литературного языка могут объединяться в целые группы. В соответствии с жанрами письменности нашего времени в современном русском литературном языке выделяются следующие группы стилей, характерные прежде всего для его письменно-книжной разновидности, но — хотя и не в одинаковой степени — находящие свое отражение в устно-разговорной речи.

1. Стили художественно-беллетристические, в составе которых выделяются две основные разновидности: стили поэзии и стили прозы. В свою очередь эти стили выделяют такие разновидности, как стиль сатиры, стиль басен и т. п. Поскольку существует такой литературный жанр, как басня, то есть все основания говорить о существовании баснописного стиля как исторически оформившейся системы речевых средств, способов и приемов словоупотребления, характерных для этого литературного жанра.

2. Стили общественно-публицистические, в составе которых выделяются стили газетно-журнальные, стили литературно-критических работ, стили различных социально острых памфлетов, обличительных статей, очерков и т. д.

3. Стили научного изложения, очень разнообразные по своему составу и характеру речевых средств. В связи с мощным развитием науки, в связи с усиливающейся специализацией знаний стили научного изложения существенно изменяются. Поэтому, например, стиль медицинских работ существенно отличается от стиля работ математических, а последний в свою очередь значительно отличается от стиля научно-философских работ. То же можно сказать о юридических работах, стиль которых весьма специфичен.

4. Стили профессионально-технические, которые характерны для производственно-технической литературы, обслуживающей нужды и потребности крайне разнообразных профессий, для различных областей техники, для военного дела и других сфер деятельности.

5. Стили официально-документальные, в свою очередь подразделяющиеся на ряд разновидностей, к числу которых относится стиль правительственных актов, официальных распоряжений, законодательных документов и т. д.

6. Эпистолярные стили, характерные для бытовой переписки, дневников, писем и т. д.

На разных этапах развития литературного языка меняется и ведущая роль его стилей. Если, например, в XVIII в. стили поэзии свое ведущее положение начинают уступать стилям прозы, то в середине XIX в. на первое место выходят стили общественно-публицистические, оказавшие большое организующее влияние на развитие всех средств и норм литературного выражения.

Общим для всех стилей литературного языка является прежде всего грамматический строй языка. Основной словарный фонд языка тоже общеупотребителен во всех стилях языка, так как он жизненно необходим, без него невозможно существование языка. В отличие от специфической

лексики, характерной для какого-либо стиля (например, химические, медицинские или математические термины, типичные для стилей научных работ), слова основного словарного фонда в смысле стилистической принадлежности более нейтральны, составляют общестилевую основу языка. В силу этого стили имеют общую единую основу, позволяющую рассматривать литературный язык как систему стилей, которая представляет собой целостный синтез всех его речевых средств. Таким образом, единство всех стилей литературного языка, а также общие закономерности их развития определяются тем, что общей их основой, выполняющей связующую и цементирующую роль, является основной словарный фонд и грамматический строй языка.

Остается пока еще недостаточно выясненным вопрос о том, что является специфическим признаком каждого стиля, отличающим его от других стилей. Прежде всего следует указать, что для стилей характерны особые специфические смысловые оттенки, создающиеся у общеупотребительных слов. Например, возьмем принадлежащее к основному словарному фонду русского языка слово *дух*, имеющее общепринятое значение — разумная сила, побуждающая к действию (*поднять дух армии*). Но это слово, привлекаемое в стили публицистики, приобретает в них иное значение, типичное для общественно-политической литературы (например, *дух статьи*, т. е. идейное направление). В научно-философских стилях слово *дух* употребляется для обозначения того, что противопоставляется обычно материи. В существовавших в прошлом церковно-богослужебных стилях слово *дух* употреблялось в значении сверхъестественного божественного существа. В просторечии и в некоторых отраслях производства и профессиях оно означает запах или воздух (*свежо, дух видно*; ср. в словаре Грота: «*Дух... Горн. Употребляемое иногда рабочими название воздуха, вдвухаемого в плавильные печи*»). Но все эти значения возникают на базе основного значения, и в силу этого они не теряют между собою связи; разрыв этой связи ведет к образованию новых слов — омонимов.

Следует также отметить, что стили характеризуются своеобразием средств художественной изобразительности, особенностями словоупотребления, а также привлечением особых конструкций предложений, их связью между собою. Акад. Л. В. Щерба следующим образом характеризует своеобразие некоторых стилей современного русского языка:

«Так, основная разновидность канцелярского стиля имеет своей задачей представить все обстоятельство дела во всех их логических взаимоотношениях вместе с выводом из них в одном целом. Отсюда и вытекает культура сложных предложений по способу подчинения в канцелярском стиле...

Язык законов требует прежде всего точности и невозможности каких-либо кривотолков; быстрота понимания не является уже в таком случае исключительно важной, так как заинтересованный человек безо всякого понукания прочтет всякую статью закона и два и три раза. Зато язык прокламаций, имеющий в виду широкие народные массы, должен схватываться на-лету, должен бить в одну точку и не размениваться на мелочи и оговорки — все это тоже находит свое языковое выражение. Научный язык имеет свою специфику: строгость в выборе терминов, которые не должны допускать никаких двусмысленностей. Эпистолярный стиль имеет множество вариантов в зависимости от социальных взаимоотношений корреспондентов. Эти разновидности были всегда так очевидны, что в прежние времена составлялись особые руководства для писания писем, называвшиеся „Письмовниками“. Язык художественной литературы имеет, конечно, гораздо больше вариаций, чем деловой язык, но они не так очевидны и во всяком случае не так легко классифицируются. Но главное то, что они

имеют совершенно иную направленность: они должны рисовать все то разнообразие разговорных, социальных и отчасти и географических диалектов, которые объединяет данный литературный язык. Через язык рисуется та социальная среда, к которой принадлежат действующие лица. При этом все дело в том, что диалекты вводятся в ткань литературных произведений, конечно, не полностью, а лишь в очень немногих элементах, являющихся как бы условными намеками на данные диалекты...

Совершенно особо стоит стихотворный язык и не с точки зрения его собственно поэтической функции, а с узко лингвистической: он традиционно допускает такие слова, которые вовсе невозможны в обыкновенной речи, как, например, *хладный* вместо *холодный*, *пламень* вместо *пламя* и многое другое.

Еще более особо стоит язык драмы — своеобразный продукт контаминации разговорного и литературного языков⁷.

Стилистическое богатство и разнообразие литературного языка объясняется многогранностью его функций и сфер применения. Так, в зависимости от содержания и целей высказывания, а также самой ситуации, экспрессивные качества речи бывают весьма различными. На основании этого акад. Л. В. Щерба выделил в устной разновидности литературного языка «...три, если не четыре соотносительных слоя слов — торжественный, нейтральный и фамильярный, к которым можно прибавить и четвертый — вульгарный. Их иллюстрировать можно, например, следующими рядами: *лик, лицо, роза, морда; вкушать, есть, уплетать, лопать или жрать*»⁸.

Таким образом, многообразие стилей литературного языка определяется не только существованием многих жанров письменности, но и степенью смысловой и эмоциональной насыщенности речи.

Взаимодействие стилей, перемещение элементов, например, поэтических стилей в прозу — также одна из неизученных проблем, ожидающих своего разрешения. Еще в XVIII в. стили поэзии оказывали большое организующее влияние на средства и нормы прозаического языка. Державин, напутствуя Карамзина, писал: «Пой, Карамзин! — И в прозе глас слышен соловьиный!» Язык карамзинской прозы, действительно, был обильно насыщен элементами поэтической лексики и фразеологии.

Для стилей публицистики характерна общественно-публицистическая лексика, постоянно отражающаяся также в стилях прозы и поэзии, в которых она вступает в своеобразное взаимодействие с лексикой других пластов. Изучение этого взаимодействия дает интересные материалы, позволяющие характеризовать не только особенности слога писателя, но и его мировоззренческие позиции. Дело в том, что стили публицистики неоднородны: в них отражаются общественные направления и идеологическая борьба. Например, стили революционно-демократической публицистики середины XIX в. коренным образом отличались от стилей публицистики реакционной или смыкавшейся с ней буржуазно-либеральной. Это принципиальное отличие находило отражение и в самой лексике этих стилей, особенно в тех словах, в которых отражались черты классового влияния.

Взаимодействие различных стилей языка обнаруживается и в том, что художественная литература, используя научные термины, способствует обычно процессу их метафоризации и созданию образа. Например, философские термины *материя* и *дух* следующим образом употреблены Салты-

⁷ Л. В. Щерба, Современный русский литературный язык, «Русский язык в школе», М., 1939, № 4, стр. 21—23.

⁸ Там же, стр. 22.

ковым-Щедриным при описании внешности Горехвастова: он имел огромный рост, «...голос густой и зычный; глаза, как водится, свинье. Вообще заметно, что здесь материя преобладает над духом...» («Губернские очерки»).

Немаловажное значение имеет и характеристика того взаимодействия, в которое вступает научная терминология, употребляемая писателем, с лексикой других стилей. Ср. сочетания терминологического с разговорно-бытовым или книжным у Щедрина: *эпидемия болтовни, эмбрион стыдливости, духовное малокровие, опыты фильтрации чепухи* и т. п. Примеры эти свидетельствуют также о том, что между стилями прозы и публицистики нет каменной стены, что творчество писателя отражает оригинальный взаимообмен речевыми средствами, который происходит между этими стилями, что самый литературный язык есть сложный синтез его стилей и закрепленных за ними слов и выражений.

Перемещение в состав литературно-критической лексики терминов различных наук (ср. употребление Белинским терминов естествознания и философии: *роды и виды поэзии, субъект, идея* и др.) представляет интерес как для изучения взаимодействия речевых средств различных стилей литературного языка, так и для истории развития слов, относившихся к словарному составу русского языка и постепенно входивших в его основной словарный фонд. При этом становится очевидным, что слово лишь тогда поступает в основной словарный фонд, когда оно, перемещаясь из одной стилевой сферы в другую, постепенно теряет свою связь и относимость только к одному из стилей языка и становится общеупотребительным, так сказать, межстилевым (например, *идея, роман*, профессиональные термины типа *операция* и т. п.). От таких слов обычно образуются многие производные слова, в свою очередь поступающие в различные стили языка.

Характеристика состава стилей русского литературного языка и типичных для них речевых средств свидетельствует о том, что история литературного языка тесно переплетается со стилистикой литературной речи. Стилистика изучает закономерности употребления речевых средств в различных стилях языка. Изучение состава и функций этих речевых средств, употребляемых в стилях поэзии, прозы, науки, публицистики и т. п., является важнейшей задачей стилистики. Но стилистика литературно-книжного языка должна иметь прочную базу в виде стилистики общенародной образной речи, изучающей средства и приемы словесно-художественной изобразительности, которые выработались в языке народа.

Изучая стилистику общенародной речи, историк литературного языка и исследователь языка и слога художественных произведений сможет избежать довольно типичных ошибок, заключающихся, например, в том, что писателю приписывается создание многих выражений и образных значений слов, существовавших до него в общенародном языке. Это относится также и к синонимике, встречающейся в художественных произведениях, и к другим явлениям речетворческой деятельности.

*

Кратко остановимся теперь на вопросах, связанных с отражением классовых интересов в стилях литературного языка, а также в слоге писателя.

Различные стили литературного языка в той или иной степени испытывают на себе стремление классов использовать язык в своих целях, внести в него специфические слова и выражения. Но степень насыщенности стилей этими специфическими словами и выражениями далеко не одинакова. Если, например, стили документально-канцелярские вбирали

в себя ничтожное количество таких специфических речевых средств, если в стилях научного изложения (например, в математических, астрономических, химических исследованиях) эти специфические слова и выражения тоже незначительны (хотя, конечно, для философа имеет первостепенное значение идейный смысл таких, например, слов, как *материя*, *идеализм* и т. д.), то в стилях общественно-публицистических они представлены значительно полнее. В свете учения В. И. Ленина о наличии при капитализме двух культур в рамках одной нации приобретает определенное значение, например, известное заявление Салтыкова-Щедрина о том, что в публицистике, наряду с «рабым языком», появился еще «язык холопский», представляющий собой смесь наглости и клеветы.

Слог писателя тоже не может быть отнесен к явлениям надстроечно-классового характера. Под слогом понимается система речевых средств, отобранных писателем из общенародного языка и употребленных в соответствии со своеобразием его творческого метода. Слог, следовательно, — это излюбленная у писателя манера выражения. По составу речевых средств, т. е. лексики, фразеологии, синтаксических конструкций, и по нормам их употребления он общенароден и неклассов. Но он также не свободен от некоторой примеси специфических слов и выражений, по-разному понимаемых различными классами. Роль таких специфических элементов, которых в языке насчитывается менее одного процента, нельзя преувеличивать и объявлять все речевые средства, используемые писателем, классовой категорией.

Таким образом, мировоззрение писателя находит свое отражение как в выборе, так и в понимании и толковании отдельных специфических слов и выражений, следовательно, в семантике некоторых слов. В целом же слог писателя представляет собой индивидуальную разновидность общенародного языка. И оттого, что язык использован для выражения идеологии, он безусловно не стал явлением классово-надстроечного характера.

Единство формы и содержания художественного произведения скрепляется тем, что влияние идеологии на способ выражения обнаруживается именно в выборе соответствующих, иногда весьма специфических речевых средств. Пониманию этого своеобразия самого строя речи писателя или публициста и зависимости стиля от идейного содержания помогает знаменитое ленинское положение о двух видах или способах полемики⁹.

*

Очень интересен также круг вопросов, связанных с отношением литературного языка к социальным жаргонам. Немало затруднений возникает при определении самих жаргонов, которые существовали в качестве ответвлений общенародного языка и в различной степени соприкасались с языком литературным.

В процессе своего развития литературный язык может испытывать некоторое временное влияние и даже давление социальных жаргонов. Средства литературного выражения могут поэтому иногда не только несколько засоряться элементами жаргонного словоупотребления, но даже под влиянием жаргонов и соответствующим образом подбираться и культивироваться. Например, существование в XVIII в. аристократически-дворянского салонного жаргона не могло в какой-то мере не отразиться на нормах литературной речи, на стилях прозы и поэзии того времени. Это объясняется тем, что некоторые писатели старались

⁹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 381 и сл.

привлекать в литературный язык такие речевые средства, которые, как тогда выражались, «не шокировали бы слух благородной дамы». Поэтому все то, что могло коробить слух благородной дамы — просторечные выражения, старинные летописные изречения и т. п., некоторыми писателями старательно устранялось из художественной литературы. Это грозило обеднением некоторых стилей литературного языка, сужением их возможностей, засорением их жаргонными словами и выражениями. Вот почему для историка литературного языка далеко не безразлично, какие в русском языке существовали жаргоны и какова была судьба этих жаргонов.

К числу жаргонов, существовавших в прошлом как ответвления общенародного русского языка, относятся: салонно-дворянский жаргон, церковно-богословский, купеческо-торгашеский, чиновничий.

При изучении жаргонной лексики возникает необходимость выделить и охарактеризовать самый набор специфических жаргонных слов, а также установить роль этих слов в языке писателя и его персонажей. Если же учесть, что жаргоны не имеют своего словарного фонда и заимствуют слова из национального языка, то приобретают интерес и изменения значений слов, попадавших в жаргон и приобретавших в нем специфический смысл.

В художественной литературе элементы лексики и фразеологии жаргонов находили различное преломление и применение. Они являлись иногда наиболее характерным материалом для создания речи персонажей. Многие персонажи, созданные русскими писателями, типичны и выразительны именно в силу того, что их речь насыщалась элементами социального жаргона, свойственного той среде, из которой они вышли. Ср. примеры «нижегородско-французского» словоупотребления Мурзавецкого (из комедии Островского «Волки и овцы»), обращающегося к Купавиной: «Ах, оставьте, лесе! Вы мне надоели. Миль пардон, мадам! Я совсем о другом. Извольте видеть, я чист... Ма тант — старая девка». «Сетасе. Мерси, гран мерси! Через два дня, пароль донер!»

Перед историками русского литературного языка со всей остротой стоит сейчас задача изучения того, как писатели боролись против жаргонизмов, за чистоту литературного языка. Известно, что социальные жаргоны, имевшие узкую сферу обращения и лишенные языковой самостоятельности, обреченные на исчезновение, находили в художественной литературе соответствующую оценку и применение. Лучшие русские писатели выступали против давления жаргонов на нормы литературного языка, против распространения жаргонного словоупотребления, отстаивая права общенародного языка. В этом отношении показательна борьба Пушкина с салонно-дворянским жаргоном, с его жеманством и кастовой замкнутостью (ср. желание поэта, чтобы в салоне Татьяны «был принят слог простонародный»).

Изучение состава жаргонных элементов и их функций в языке художественных произведений проливает свет и на самую проблему заимствования тех ненужных и жизненно не оправданных слов и выражений, которые получали распространение в светских жаргонах. Отсюда возникает необходимость четко различать заимствования жаргонного характера (с течением времени исчезнувшие из употребления) от заимствований общенародных, прочно вошедших в словарный состав, а частично и в основной словарный фонд русского языка.

Значительный интерес имеет также отражение в литературном языке элементов церковно-богословского жаргона. В свое время еще Фонвизин в «Недоросле» прекрасно воспроизвел важнейшие признаки этого жаргона, наделив Кутейкина весьма специфической

речью. В отличие от Цифиркина Кутейкин говорит именно на том искусственно-книжном, явно архаизированном жаргоне, который культивировался в семинариях — там, где готовились кадры священнослужителей.

Этот церковно-богословский жаргон, как и любой иной социальный жаргон, не располагая своим грамматическим строем и основным словарным фондом, отличался набором специфических слов, выражений и оборотов речи. В художественной литературе он неоднократно использовался для создания «речевых костюмов» персонажей — выходцев из церковно-богословской среды или причастных к ней. Писатели обнаруживали много творческой изобретательности, создавая эти образы и пользуясь элементами церковно-богословского жаргона. Поэтому наряду с определением того круга специфических слов и выражений, которые принадлежат этому жаргону, возникает также необходимость изучать самые способы и приемы иронического использования их в художественной литературе.

Купеческо-торгашеский жаргон, элементы которого встречаются в речи купцов Островского, Салтыкова-Щедрина и других писателей, также представляет для историка литературного языка интересный материал, позволяющий характеризовать состав речи персонажей в ее отношении к литературному языку. К специфической лексике и фразеологии купеческо-торгашеского жаргона относятся часто употребляемые купцами из пьес Островского и других писателей слова и выражения *магарыч*, *бить по карману*, *вылететь в трубу*, *потерпеть крах*; ср. хищнический девиз купцов: *Йён доста-а-нет!*, воспроизведенный Щедриным.

В некоторых стилях литературного языка нашел своеобразное отражение существовавший в прошлом *чиновничий жаргон*, т. е. специфические речевые средства, которые бытовали в среде чиновников и которые давали возможность писателям очень ярко изображать нравы «...всевластного, безответственного, подкупного, дикого, невежественного и тунейдствующего русского чиновничества...»¹⁰. Чиновничий жаргон отличался набором некоторых специфических слов и выражений, к числу которых относятся, например, упоминаемые в «Мертвых душах» Гоголя разного рода «взбутетенивания, распекаания и всякие должностные похлебки, которыми начальник угощает своих подчиненных».

Воспроизводя жаргонную лексику чиновников, писатели, естественно, обнаруживают свое отношение к ней. Замечания и отзывы писателей весьма ценны не только для выяснения их мировоззренческих и литературно-стилистических позиций, но и для выяснения общественного значения жаргона. Например, Салтыков-Щедрин при помощи нескольких выражений (*чего изволите?*, *как прикажете* и *не погубите*) очень метко охарактеризовал чиновничий жаргон, указав, что все существо этих «служительских слов» определяется девизом: «спасай себя!»

Несколько особое положение занимают в языке так называемые *арготизмы*, т. е. элементы условного лексикона какой-либо социальной среды или группы. Так, например, как средство речевой конспирации вырабатывалось обычно воровское аргот. В нем, как и в жаргонах, слова общенародного языка наделялись особым условным значением, вырабатывалось некоторое количество специфических слов. Однако отождествлять эти аргот с жаргонами нельзя, как нельзя отрывать изучаемые явления языка от их носителей. Дело в том, что носителями жаргонов являются верхушечные слои имущих классов; цель, преследуемая при создании жаргонов, — противопоставить народу свою речевую культуру,

¹⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 313.

по замыслу более изысканную и утонченную, а фактически — обедненную, кастово замкнутую и подчас космополитическую. Носителями же аргю, часто создававшегося в целях речевой конспирации, являлись представители социального дна. Так что и по составу носителей, и по целенаправленности аргю существенно отличаются от жаргонов.

*

Художественно-эстетические качества литературного языка, единство коммуникативной и эстетической функции, характерное для всех средств и приемов литературного выражения, — это тоже одна из наиболее сложных и неразработанных проблем, стоящих перед историками литературного языка. В целях успешного решения ее необходимо прежде всего отказаться от совершенно неверного взгляда, будто бы единство коммуникативной и эстетической функции присуще только языку художественных произведений и составляет его специфику. Такая точка зрения обедняет литературный язык, приписывая эстетические качества лишь одному из его многочисленных стилей — стилю художественно-беллетристическому, бесспорно выделяющемуся в отношении эмоционально-эстетической насыщенности.

Было бы по меньшей мере неосмотрительно и легкомысленно отказать в эстетических качествах стилям публицистических произведений, научных работ и многим другим разновидностям литературного языка, хотя степень эстетичности их далеко не однородна. Имея в виду литературный язык в целом, акад. В. В. Виноградов справедливо замечает: «Образно-художественная функция языка основывается на коммуникативной функции его как средства общения и обмена мыслями, из нее исходит, но осложняет ее задачами и законами словесно-художественного выражения»¹¹.

Таким образом, эстетические качества, эмоциональность и экспрессивность характерны в различной степени для всех стилей литературного языка. Наряду с точностью, ясностью, понятностью и общедоступностью языка публичных выступлений большевистских агитаторов и пропагандистов, В. И. Ленин и И. В. Сталин всегда указывали на эмоционально-эстетические качества этого языка: целеустремленность, страстность, убежденность, живость и образность. Коммунистическая партия, говорил В. И. Ленин, «...обязана уметь и пропагандировать и организовать и агитировать наиболее доступно, наиболее понятно, наиболее ясно и живо...»¹². И. В. Сталин указывал на такие характерные черты языка ленинских работ: «Только Ленин умел писать о самых запутанных вещах так просто и ясно, сжато и смело, — когда каждая фраза не говорит, а стреляет»¹³.

Эстетические качества различных стилей литературного языка неоднородны, как и самые речевые средства, которые выполняют художественно-изобразительные функции. В стилях художественно-беллетристических они представлены богаче и разнообразнее. «Функции языка в художественной литературе, — указывает акад. В. В. Виноградов, — расширяются и усложняются. На базе общенародного языка, при помощи его выразительных возможностей, создаются формы художественного изображения, принципы речевого построения образов и характеров, приемы

¹¹ В. В. Виноградов, Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и развитие советской науки о языке, М., «Правда», 1951, стр. 27.

¹² В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 88.

¹³ И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 53.

типизации и индивидуализации речи персонажей, осложненные способы ведения диалога, богатая художественная фразеология, целый арсенал изобразительных средств. Приемы и принципы художественного мастерства, образные обобщения передаются по традиции; некоторые из них включаются в общенародный язык. В национальную сокровищницу стилистики и поэтики входят те способы и приемы отражения и воспроизведения действительности в слове, которые исторически обогащаются в процессе развития национальной литературы. В закономерностях развития средств словесно-художественной образности и экспрессии выражается национальная специфика литературы. Чем ближе они к словесно-художественному творчеству народа, его национальным качествам, тем они сильнее и действие их долговечнее. Печать глубокого национального своеобразия лежит на них»¹⁴.

*

Народность литературного языка и языка писателя — это тоже один из актуальнейших вопросов, требующих конкретной разработки. Воплощение в литературном языке и в языке художественных произведений всех лучших достижений речевой культуры народа, органическая связь языка писателя с языком общенародным — вот существо и основное содержание понятия народности языка. В соответствии с этим резко осуждению должны быть подвергнуты, к сожалению, еще наблюдающиеся иногда попытки видеть народность языка художественного произведения лишь в употреблении писателем грубых, полуграмотных, иногда явно нелитературных слов. Такая точка зрения не только искажает действительное положение вещей, но и отражает старые, барски-пренебрежительные взгляды на народ, с которыми еще в свое время вели непримиримую борьбу Белинский, Салтыков-Щедрин, Чернышевский и другие революционные демократы.

Белинский беспощадно разоблачал также попытки всякого рода сочинителей, фальсифицирующих народную речь, «выезжать ... на разбитых носках, фонарях под глазами, зипунах, лаптях, мужицких речах и поговорках, кабаках и харчевнях»¹⁵, называя «вульгарно-народными» «безвкусовые и бездарные изделия» этих представителей псевдонародности. Язык, который «отзывается цинизмом, тоном извозчиков», все «подделки под народность» Белинский характеризовал как пошлость¹⁶.

Народность языка писателя — это такое качество, которое создается в процессе обработки и творческого развития всех богатств общенародного языка. Одним из важнейших признаков народности языка художественного произведения является воспроизведение писателем лучших образцов и высших достижений многовековой национальной культуры слова, использование наиболее жизненных, типичных и национально-самобытных средств и приемов выражения, свидетельствующих о кровной связи языка писателя с языком общенародным.

К признакам народности относится творческое обогащение и развитие словесно-художественных средств, следовательно, создание новых языково-стилистических ценностей, осуществляемое в соответствии с внутренними законами развития языка и обогащающее его изобразительные возможности. Народность языка писателя определяется, следовательно, тем вкладом, который сделал автор в смысле литературного освоения

¹⁴ В. В. Виноградов, Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языковедения» и развитие советской науки о языке, стр. 27.

¹⁵ В. Г. Белинский, Соч., СПб., 1896, т. III, стр. 101.

¹⁶ См. там же, т. II, стр. 814 и 976, т. IV, стр. 445.

богатств общенародного языка, их обработки, шлифовки, а также и пополнения, посредством собственного речетворчества, выражающегося в словарно-фразеологическом новаторстве и вообще в развитии всех выразительных средств языка.

Признаком народности языка писателя является творческое использование прежде всего основного словарного фонда и грамматического строя языка, являющихся основой языка и свидетельствующих о его самобытности и характерности. Следовательно, проблема народности языка — это проблема лучшего выбора и удачного применения наиболее ярких, типичных и общеупотребительных речевых средств. Народен такой язык литературного произведения, который по своим художественно-эстетическим качествам может служить образцом и примером высших достижений речевой культуры народа.

Реалистичность средств и приемов выражения, их употребление в единстве и органической связи с идейным содержанием произведения, простота и общедоступность слога, его характерность и индивидуальность, свидетельствующие о высоком творческом мастерстве автора, — все это тоже неотъемлемые признаки и качества народности языка художественного произведения.

Важнейшим признаком народности языка писателя является также распространение излюбленных индивидуально-авторских средств и приемов выражения во всем общенародном языке, а также то огромное организующее влияние, которое, например, Ломоносов, Пушкин, Гоголь, Некрасов, Щедрин, Толстой, Чехов, Горький и другие писатели оказали на развитие родного языка.

*

В заключение коснемся проблемы развития литературного языка в связи с развитием литературы. Проблема эта спорная и дискуссионная, поэтому решение ее возможно после тщательного и всестороннего изучения закономерностей развития стилей литературного языка.

Так как литературный язык с его важнейшей письменно-книжной разновидностью — это прежде всего язык литературы в широком смысле этого слова (художественной, научной, публицистической и т. п.), то история литературного языка, изучаемая в связи с историей национальной литературы, не может обособляться от истории языка крупнейших писателей; она должна изучаться в тесном единстве с ней. Это тем более необходимо, что в произведениях выдающихся писателей наиболее выразительно отражены система литературного языка эпохи и основные тенденции развития его грамматического строя и словарного состава.

Периодизация истории литературного языка, понимаемой в первую очередь как история развития его стилей, только в том случае может считаться реальной и исторически оправданной, если она не будет оторвана от развития литературы, от развития общественной мысли. Это, безусловно, не значит, что история стилей русской литературного языка должна быть полностью отождествлена с историей русской художественной литературы и, следовательно, с развитием надстроечных категорий. На известных этапах развития литературный язык не мог удовлетворять все возраставшим потребностям, и общество, нуждавшееся в коренных усовершенствованиях средств и норм литературного выражения, весьма одобрительно относилось к реформаторской деятельности, например, Ломоносова или Пушкина, гениально решавших важнейшие проблемы развития и совершенствования национального литературного языка. Но при всем этом история литературного языка не может быть обособлена от истории литературы. Являясь формой общественного сознания, «зер-

калом действительности» (по определению Белинского), литература чутко реагирует на многогранные явления общественной жизни и всесторонне их воспроизводит. Все это находит отражение в самой исторически развивающейся системе стилей литературного языка, в средствах литературного выражения и оказывает существенное влияние на развитие лексики, фразеологии, средств художественной изобразительности.

В системе стилей литературного языка особое положение занимают стили художественной литературы (язык художественных произведений). Отличаясь своей образностью, эмоциональностью и экспрессивностью, стили поэзии и прозы имеют неизмеримо большую популярность и известность в народе, чем, скажем, стили документально-деловые.

В разные периоды развития литературного языка роль художественной литературы, конечно, не одинакова. Особенно большое значение приобретает она в эпоху становления национального языка и последующего его развития. В это время «...художественная литература является лабораторией, в которой происходит отбор и „отработка“ средств национально-литературного выражения и в которой определяется национально-языковая норма. Так было в истории русского языка, и тот же процесс, хотя и с своеобразными национально-историческими видоизменениями, мы наблюдаем в развитии многих литературных языков Советского Союза. Вместе с тем, если стилистика национального языка является могучим подспорьем при изучении специфики литературно-художественной речи и ее жанров, то и, наоборот, стилистическое изучение речи литературно-художественных произведений (или, как принято говорить, „языка писателя“) содействует разработке и углублению основных понятий и категорий стилистики национального языка, а также его семантики»¹⁷.

Язык художественной литературы является, таким образом, рассадником и популяризатором образцовых средств и приемов литературного выражения. В то же время художественная литература является критерием, на который приходится равняться при отборе в литературный язык различных речевых средств. Отсюда становится совершенно очевидной весьма почетная и ответственная роль писателей в формировании литературного языка, в развитии национальной речевой культуры, ибо, по образному выражению Гюго, «язык колеблется от царственного шествия великих писателей».

В свете указания В. И. Ленина о необходимости составить словарь современного русского языка «от Пушкина до Горького»¹⁸ становится очевидным, что периодизация истории русского литературного языка не может не учитывать деятельности таких выдающихся писателей, как Ломоносов, Пушкин, Толстой, Горький.

Характеризуя закономерности развития русского языка, И. В. Сталин выделяет исторический период — со времени смерти Пушкина до наших дней, определяя, таким образом, огромное значение поэта в истории русской речевой культуры. Указывая на величие и мощь языка Тургенева, Толстого, Добролюбова и Чернышевского, В. И. Ленин рассматривал деятельность этих писателей и критиков в плане их благотворного влияния на развитие русского языка.

Вырастая на почве общенародного языка, различные стили литературной речи в той или иной степени отражают индивидуальное своеобразие языка и слога «мастеров слова». В стилях художественной литературы и публицистики эта индивидуальность авторов обнаруживается значительно

¹⁷ Два года движения советского языкознания по новому пути [передовая], «Вопросы языкознания», М., 1952, № 3, стр. 17.

¹⁸ См. В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 416.

ярче и отчетливее, чем, скажем, в стилях производственно-технических, не говоря уже о стилях документально-деловых, где элементы специфически авторского, индивидуального довольно незначительны.

Такого рода своеобразие ряда стилей литературного языка не может не учитываться при решении проблемы общенародного и индивидуального в языке писателя, публициста, ученого и т. п. Выяснение того, какие средства привлекаются автором из общенародного языка и что нового, индивидуально-своеобразного вносит он в средства литературного выражения и в самые способы выбора и употребления слов, имеет первостепенное значение для понимания процесса становления и развития литературного языка.

Раскрытие соотношения общенародного и индивидуального в художественном, публицистическом или научном произведении поможет также установить: а) кто и какой творческий вклад внес в литературный язык; б) каково индивидуальное своеобразие словесно-художественных средств, каковы излюбленные приемы словоупотребления, применяемые автором. Учет всех этих факторов не позволит приписать автору того, что не было создано им самим, а являлось достоянием общенародного языка, а наряду с этим вскрыть и охарактеризовать методы обогащения и развития языка путем речетворчества «мастеров слова».

Таким образом, роль писателя в развитии национальной речевой культуры определяется, во-первых, «открытием» и привлечением новых, еще не освоенных речевых средств, расширяющих самые границы и возможности литературного языка; во-вторых, ценностью, оригинальностью и своеобразием его творческого мастерства, его новаторства в области искусства образного слова.
